

«День ото дня становилось безрадостнее. Голод и страх стали постоянными попутчиками. Большой заговор скавенов подходил к своему неизбежному завершению и, похоже, сама судьба вовлекла нас в него. И всё-таки, помимо тревоги и ужаса было место надежде и героизму. Наряду с потерями — слава. Час величайшей угрозы пробил, и я горжусь, что мы с моим товарищем не ударили лицом в грязь».

„Мои странствия с Готреком“ Том III, Феликс Ягер (Альтдорф Пресс 2505)

Погружённый в раздумья Танкуоль сидел на своём огромном троне. Вокруг него была обозначена пентаграмма, начертанная у головы Рогатой Крысы, и окружённая двойным кольцом наиболее мощных защитных символов. Он воспользовался всеми известными ему защитными заклинаниями продолжительного действия дабы оградиться от дурного влияния сил, препятствующих выполнению им своего предназначения. Тут были руны, эффективные против проклятий, болезней, неудачи, а также всевозможные смертоносные заклинания. То были наиболее могущественные оберегающие заклинания, которые серый провидец изучил за время своей долгой карьеры в овладении Тёмными Мистериями. Это показывало, насколько отчаянной стала ситуация, раз Танкуоль посчитал необходимым затратить столь много своей бережно накапливаемой мистической силы для наложения их всех.

Танкуоль опустил на руки свою большую рогатую голову и барабанил своими когтями по вискам. Он был обеспокоен. Всё пошло наперекосяк. Он чувствовал, что события начали выходить из-под его контроля. Его высокотренированная интуиция серого провидца могла ощутить действующие тут силы, закручивающие дела так, что предсказать последствия было выше возможности любого скавена, вне зависимости от умственных способностей.

Танкуоль не понимал, как такое могло произойти. Поначалу всё шло замечательно. Его агенты донесли об уничтожении чёрного корабля, и он понял, что его невольные орудия — Ягер и Гурниссон — сделали работу за него. Всего лишь днём спустя Совет Тринадцати распорядился увеличить контингент сил вторжения. Похоже, что полная сокрушительная победа над людьми уже была у него в руках. Но затем...

Но затем среди его собственных войск начала распространяться проклятая чума. Вскоре Подземные Пути были переполнены больными и умирающими воинами скавенов. Пока сжигали одни тела, поступали другие — в большем количестве. Заболевали даже рабы скавенов, обслуживающие погребальные печи. Симптомы — сухой отрывистый кашель, отвратительный гной, заполняющий лёгкие, и в конце — внезапный приступ предсмертных судорог — были удивительно похожи на болезнь, поражавшую людей на поверхности. Вероятно, это была та же самая чума. Это был не первый случай, когда заразная болезнь передавалась между двумя расами.

Возникла и другая напасть, словно чумы было недостаточно. Коридоры теперь заполнили огромные, агрессивные, голодные крысы.

Они были повсюду — пожирали трупы, поедали провиант, дрались за объедки, везде испражнялись и мочились, способствуя распространению проклятой болезни, а заодно и истощению армии. Даже сейчас некоторые из них прячутся по углам его помещения, избегая пентаграммы, и грызут предметы мебелировки. Он слышал, как несколько копошилось под его тронem. Должно быть, они находились там, когда он наложил свои заклинания. И теперь они заперты внутри вместе с ним.

Всё было бы не настолько плохо, если действующие против них создания не были бы крысами. Это было практически знамением того, что Рогатая Крыса отвернула свою морду от великой

армии вторжения и сняла с неё своё благословение. Естественно, некоторые из наиболее суеверных воинов начали ворчать об этом, и их не переубедили никакие вдохновенные речи и проповеди Танкуоля.

Ничего хорошего ему не принесло и указание на то, что люди страдают от этих двух катастроф почти так же, если не более — их амбары пусты, запасы продовольствия уничтожены полчищами грызунов. Воины-скавены ему просто не поверили. Они не имели доступа к обширной шпионской сети Танкуоля на поверхности. Они видят только то, что сами голодают, их боевые товарищи болеют, и у них самих имеются неплохие шансы в свою очередь свалиться от чумы. Боевой дух снижался, и никто лучше Танкуоля не понимал, что в армии скавенов боевой дух в лучшем случае и так всегда непредсказуем.

Серый провидец делал всё возможное, чтобы отловить подобных уклонистов, бормочущих нелояльные и изменнические замечания. Он выделил элитные части штурмовиков для расправы с дезертирами на месте. Несколько изменников он лично взорвал с помощью своих наиболее впечатляющих и разрушительных заклинаний, но всё это было без толку. Разложение прогрессировало. Армия начинала медленно разваливаться на части. И он представления не имел, что с этим можно поделать.

Танкуоль пнул одну из крыс под ногами, обгладывавшую кости последнего посланника, принёсшего плохие известия. Та взлетела в воздух и врезалась в завесу заклинаний, окружающих пентаграмму. Посыпались искры, повалил дым, и умирающая крыса издала жуткий пронизывающий крик. Воздух наполнился вонью горелого меха и обугленной плоти, когда существо поджарилось на собственном жиру. Усы Танкуоля подёргивались от удовлетворения и, прежде чем вернуться к своим раздумьям, он злобно усмехнулся.

С тех пор, как информация о неудачах армии просочилась в Скавенблайт, подкрепления перестали прибывать. У него была не совсем та подавляющая числом армия бойцов, как он ожидал, но вполне достаточная, если Танкуоль использует своё хитроумие и правильно всё спланирует. Нужно что-то делать, чтобы спасти ситуацию, и побыстрее, пока ещё остается способная сражаться армия. Он не сомневался, что под его командованием достаточно войск для подавления человеческого города, если они атакуют стремительно и безжалостно, воспользовавшись преимуществом внезапности. Даже если армия затем распадется, своей цели он достигнет. Нульн будет завоёван, и Танкуоль сможет доложить об успехе Совету Тринадцати. Тогда уже задачей его хозяев будет быстрая отправка сюда гарнизонных частей для удержания города. И если они не поспеют вовремя, это уже не будет провалом Танкуоля.

Чем больше Танкуоль раздумывал над этим, тем больше этот план приобретал осмысленности. Он всё ещё в состоянии выполнить возложенную на него задачу. Он всё ещё может ухватить свою долю славы. Тогда впоследствии он сможет переложить вину за всё, что происходило, на тех, кто это заслужил — на своих некомпетентных подчинённых и тех предателей делу скавенов, которые бросили армию как раз перед часом её триумфа.

Серый провидец подсчитал, какими силами командует. У него ещё оставалось около пяти тысяч условно здоровых бойцов, преимущественно из клана Скаб. У него всё ещё было несколько отрядов диверсантов и небольшая группа тренированных ассасинов клана Эшин. У него остались чисто символические силы клана Скрайр и клана Чумы из-за различных дурацких авантюр, предпринятых их лидерами. Изак Гроттл со своими крысоограми представлял внушительную силу.

Танкуоль понимал со всей очевидностью, что при данных обстоятельствах обыкновенная фронтальная атака — не лучшее из решений. Нужен был сильный удар, который приведёт к

неизбежной и сокрушительной победе. И он верил, что знает, как этого достичь.

По сообщению его шпионов, самка-производитель людей, называемая курфюрст, скоро будет давать бал-маскарад, пытаясь в бесполезных потугах отвлечь свой двор от неприятностей. Если дворец будет захвачен вместе со всеми аристократами, то человеческая армия Нульна останется без командования и станет лёгкой добычей для нападения скавенов. Будет ещё лучше, если спланировать набег так, чтобы обе атаки произошли одновременно. В ночь, когда скавены захватят дворец, город погибнет в крови и ужасе. А возможно, людей даже удастся принудить к сдаче, имея в когтях их главную самку.

Чем скорее это будет сделано, тем больше надежды на успех, но как минимум, для него это шанс выхватить победу из слюнявых челюстей поражения.

Однако прежде у него есть другая небольшая проблема. Ему придётся развеять окружающие его защитные заклинания, дабы он смог покинуть свои покои и начать отдавать приказы. С долгим страдательным вздохом Танкуоль приступил к колдовству, которое позволит ему выйти за пределы пентаграммы.

* * *

Феликс Ягер пнул из-под ног огромную жирную крысу, которая, пролетев по воздуху, приземлилась в середине кучи отбросов. Она перевернулась и сразу же начала пожирать окружающие её отбросы. Феликс наблюдал за этим с отвращением и отчаянием.

Крысы были повсюду, пожирая всё, что было съедобным и многое из того, что съедобным не являлось. Их были тысячи, возможно, миллионы. Временами улицы представляли собой ни что иное, как колышущееся море грызунов. Его наниматель Хайнц слышал рассказы о том, что их заставляли за пожиранием младенцев в колыбелях, их добычей становились маленькие дети. Огромные стаи злобных существ наводнили улицы города, а кошки и собаки были слишком напуганы, чтобы их остановить.

Единственным утешением было то, что крысы оказались загадочно недолговечны. За несколько дней они выглядели постаревшими на месяцы. Но когда они умирали, крысиные трупы покрывали мостовую, как какой-то ужасный меховой ковер. Это было неестественно. В действительности, всё это отдавало скавенским колдовством, и Феликс раздумывал, нет ли тут какого-либо злого умысла.

«Похоже, город Нульн проклят», — думал Феликс. В воздухе воняло блевотиной и болезнью, тела людей сжигали на больших погребальных кострах на площади снаружи Садов Морра. Целые многоквартирные дома были заколочены и превращены в усыпальницы. Феликс содрогался, когда представлял себе разлагающиеся там трупы мёртвых. Однако ещё хуже были мысли о тех, кто был там заперт заживо — жертвах чумы, которым никто не желал помочь. Ходили страшные слухи о людях, которые излечились от чумы, чтобы умереть от голода. Были ещё более худшие истории о каннибализме и людях, питавшихся мясом трупов своих родных и друзей. Представлять себе это было ужасно. И заставляло Феликса думать о том, что Сигмар и Ульрик отвернулись от этого города.

Феликс услышал впереди гроыхание колёс и звон колокола. Он шагнул в сторону, пропуская чумную повозку. Кучер был облачён во всё чёрное, его лицо скрывала маска черепа и огромный остроконечный капюшон. Позади повозки слугитель Морра размахивал кадиллом с фимиамом, предположительно защищающим его от чумы. Похоже, что сама Смерть в сопровождении своих слуг дозором объезжает обречённый город. Феликс мог видеть

разлагающиеся трупы, высоко наваленные у заднего борта транспортного средства. Тела были обнажёнными, уже избавленными от ценностей своими родственниками или наглыми мародёрами. Тела обглаживали крысы. Феликс видел, как одна выдернула глаз и проглотила его целиком.

Чумные повозки постоянно ездили по городу, звонящие колокола предупреждали об их присутствии, призывая ещё сильных и здоровых избавиться от тел тех, кто таковым не являлся. Но даже чумные повозки не были в безопасности. Если они на минуту останавливались, на них залезали крысы, сражаясь друг с другом за куски мертвечины.

Желудок Феликса заурчал, и он потуже затянул ремень. Он надеялся, что остальные были более удачливы в добывании пропитания, чем он. Он не нашёл никакой еды, которая не была бы заражена крысиными экскрементами, и даже та продавалась в десять раз дороже обыкновенной цены. Некоторые граждане наживались на гибели своего огромного города. «Всегда находятся те, кто ищет выгоды даже в самой ужасной ситуации», — подумал он.

Феликс хотел, чтобы Готрек отказался от своего безумного желания оставаться в городе. Он уже сам практически решил уйти не попрощавшись, присоединившись к тем толпам бедняков и простолюдинов, которые хватали свои немногочисленные пожитки и отправлялись. Он не сделал этого по нескольким причинам. Первая и лучшая из них заключалась в том, что он не бросает своих друзей. Вторая — желание увидеть, чем всё это закончится. Он подозревал, что скоро зловещие события достигнут своей кульминации, и желал посмотреть, что же произойдёт.

Последняя причина была простой. Он слышал слухи, что местное дворянство поместило город в карантин, и лучники стреляют по всем, кто пытается покинуть город общедоступными путями. Множество барж, отплывших их доков за последние две недели, возвратились с сообщением об имперских военно-морских кораблях, топящих любое судно, пытающееся пройти по реке мимо них.

Возможно, небольшая группа под покровом ночи и может проскочить, но Феликс не хотел пробовать без Готрека. Неподконтрольные закону земли вокруг города в настоящее время могут быть ещё опаснее, пока все местные солдаты и дорожные патрульные обеспечивают карантин, а банды вооружённых людей грабят любых беженцев.

Закон и порядок уже рассыпался на части и внутри стен города. Ночные шайки грабителей бродят по улицам в поисках еды, присваивая себе то, что не охраняется вооружёнными людьми. Всего лишь две ночи назад толпа вломилась в городское зернохранилище, несмотря на присутствие нескольких сотен солдат. Сломав ворота, они всего лишь обнаружили, что оно пусто, заполнено только скелетами крыс, которые обожрались зерна и затем подохли.

Группа одичавших детей следила за ним голодными взорами. Один из них жарил на вертеле мёртвую крысу. При обычных обстоятельствах он из жалости бросил бы им монету, но за последние несколько дней он дважды чуть не был атакован такими шайками. Обескураженные, они сдали назад лишь тогда, когда он вынул свой меч и угрожающе помахал им в воздухе.

Феликс помнил слова графа Оствальда. Город, несомненно, в осаде, но это осада наиболее устрашающего вида. Здесь нет осадных башен. Нет никакого оружия, кроме голода и болезней. Здесь нет видимого врага, с которым можно сразиться. Врагом было отчаяние, и не существовало меча, которым его можно было бы победить.

Перед ним лежала „Слепая свинья“. Снаружи вразвалку сидели несколько воинов-наёмников,

которые разместились в таверне, потому что знали её владельца, и собрались в отряд для собственной безопасности. Феликс знал их всех, знали и они его, но всё же настороженно наблюдали, как он приближается. Они были крепкими парнями, которые решили как можно более комфортно дожидаться, пока их не настигнет чума, раз уж не могут оставить её позади. Курфюрст предложила двойную оплату тем, кто поможет сохранять порядок, поддерживая её гвардию и весьма поредевшую городскую стражу. Эти парни отрабатывали свою дополнительную плату.

— Какие-нибудь новости? — спросил один из них, крепкий богатырь-кислевит, известный как Большой Борис.

Феликс покачал головой.

— Какая-нибудь еда? — спросил другой, бретонец с кислой физиономией, которого все называли Голодным Стефаном.

Феликс снова покачал головой и прошёл мимо них в таверну. Хайнц сидел за столом у очага, согревая свои руки. Готрек сидел рядом, попивая из огромной кружки с элем.

— Похоже, что на ужин снова будет крысиный пирог, — произнёс Хайнц.

Феликс был не совсем уверен, шутит ли Хайнц.

— Малыш Феликс вернулся с пустыми руками.

— У вас, по крайней мере, есть пиво, — сказал Феликс.

— Если бы это был гномий эль, мы могли бы жить только им и ничем более, — сказал Готрек, — Множество кампаний я прошёл, не имея в брюхе ничего, кроме половины бочонка Багманского.

— К сожалению, это не Багманское, — сухо сказал Феликс.

С момента начала нехватки продовольствия гном постоянно предавался воспоминаниям, и самым раздражающим было про питательную силу гномьего эля.

— Видят всё больше скавенов, — сказал Хайнц. — Городская стража схлестнулась с ними прошлой ночью на Мидденлатц. Вроде бы, они тоже ищут продовольствие, как заявляет стража.

— Вероятнее всего, они хотят убедиться, что мы подышаем с голоду, — кисло сказал Феликс.

— К чему бы ни шло, это случится уже скоро, — сказал Готрек. — Что-то такое в воздухе. Я это чую.

— Это пиво ты почуял, — заявил Феликс.

— Я слышал, графиня Эммануэль устраивает большой бал с причудливыми шмотками, — с ухмылкой произнёс Хайнц. — Возможно пригласят тебя.

— Что-то я сомневаюсь, — сказал Феликс.

С тех пор, как он был вызван к Оствальду две недели назад для объяснения сожжения чёрного корабля, он не получал вестей из дворца. Разумеется, с тех пор все эти особняки на холме

превратились в укреплённые лагеря, где богатеи и аристократы голубых кровей изолировались, пытаясь избежать чумы. Ходили слухи, что тут же отстреливался любой простолудин, хотя бы ногу поставивший на их вымощенные булыжниками улицы.

— Это типично для ваших треклятых людей-аристократов, — сказал Готрек и рыгнул. — Город катится псу под хвост — и что они делают? Закатывают чёртову вечеринку!

— Возможно, нам следует сделать так же, — сказал Хайнц. — Наступают худшие дни!

— Кто-нибудь видел Элиссу? — поинтересовался Феликс, желая сменить мрачную тему разговора.

— Она ушла пораньше, на прогулку с тем пареньком-крестьянином... Гансом вроде?

Внезапно Феликс пожалел, что задал этот вопрос.

* * *

Ларк Стукач озирался в сумрачном зале и сдерживал побуждение испустить мускус страха. Это стоило ему могучих усилий, так как никогда за всю свою жизнь его не загоняли в угол трое столь внушающих страх скавенов. Он сдерживал кашель и чихание, чтобы даже не привлекать к себе внимание, но тщетно. Его дрожащая фигура притягивала к себе те три пары недоброжелательных глаз, как магнит притягивает железо. Все трое — Вилеброт Нуль, Иzaak Гроттл и Хескит Одноглазый — уставились на него, как на лакомый кусочек. Особенно Иzaak Гроттл.

Ларку хотелось, чтобы перестало ломить тело. Ему хотелось, чтобы перестали потеть лапы. Ему хотелось, чтобы исчезла боль, грозившая расколоть его череп. Он понимал, что этому не бывать. Ларк знал, что болен чумой и потому умрёт, если Вилеброт Нуль не сделает, как обещал, и не заступится за него перед Рогатой Крысой.

Ларк отчётливо понимал, что пойман за хвост между ножом и разделочной доской. Для него единственный способ спасти свою жизнь — делать, что прикажет ужасающий предводитель чумных монахов. К несчастью, Вилеброт Нуль хотел, чтобы он предал своего хозяина — серого провидца Танкуоля. Ларка трясло при мысли о последствиях, когда этот грозный волшебник обнаружит, что произошло. Ни один здравомыслящий скавен не захочет испытать гнев Танкуоля.

Трое скавенов снова сблизили головы и начали перешёптываться. Ларк отдал бы всё, чтобы знать о чем они говорят. По вторичному размышлению он решил, что, видимо, сможет жить и без этого знания, учитывая, что они, вероятнее всего, обсуждают его судьбу. Он понял, что попал в беду, как только увидел, кто ожидает в зале, куда привёл его Нуль. Затем он чётко осознал, что окупилась неделя переговоров, о которых упоминал аббат, и две из наиболее могущественных фракций сообщества скавенов объединились с кланом Чумы.

Хескит Одноглазый и Иzaak Гроттл ожидали в этом тайном зале, расположенном далеко от соглядатаев и защищённом сильной магией Нуля. Ларк понял, что игра окончена, как только их увидел. Побуждаемый Нулем, он рассказал им всё. Он объяснил, что Танкуоль каким-то образом проведаль об их планах (упустив только свою роль в их обнаружении), и рассказал им также о сообщениях, посланных Танкуолем их главным врагам — человеку Ягеру и гному Гурниссону. Было без слов понятно, как эти высокомерные скавены возмущены открывшейся им подлой изменой серого провидца.

Он мог чувствовать в воздухе их убийственную ярость, и делал всё что мог, чтобы она не сфокусировалась на нём. Он слышал все кроважанные подробности о пыточных установках клана Скрайр и содрогался от рассказов о том, как Гроттл пожирает внутренности своих ещё живых врагов у них на глазах.

Дабы избежать подобной участи, он перетряхивал свою память на предмет мельчайших подробностей, чтобы убедить их в своём полном сотрудничестве. Перспектива немедленной мучительной смерти преодолела сопротивление, возникшее при мысли о том, что серый провидец Танкуоль может сделать с ним в будущем. И на ум Ларку пришла одна крохотная, хитроумная, и глубоко скрываема мысль о том, что если эти трое достаточно разозлятся, чтобы осуществить возмездие над серым провидцем Танкуолем, то Танкуоль будет слишком мёртв, чтобы в свою очередь отомстить Ларку.

Теперь он был в значительной степени уверен, что это ему удалось. Хескит Одноглазый в ярости грыз собственный хвост, пока Ларк объяснял, как серый провидец отослал их врагам подробные детали плана клана Скрайр по захвату Колледжа Инженерии. Он даже придумал несколько убедительных подробностей, как серый провидец смеялся и злорадствовал по поводу того, что глупые враги скоро попадут в его ловушку. «Ладно, — думал Ларк, — Танкуоль вполне мог так поступить».

Изак Гроттл настолько разозлился, что даже лопотал с набитым едой ртом, пока Ларк объяснял, как Танкуоль говорил ему: «Жирный глупец никогда не догадается, что его идиотский план по тайной доставке секретного оружия в город на перекрашенной барже сорвался благодаря хитрости Танкуоля».

Вилеброт Нуль призывал проклятие Рогатой Крысы на своего соперника, пока Ларк рассказывал ему, как завидующий благосклонности их божества аббату, Танкуоль решил устранить опасного противника, раскрыв местонахождение его тайного логова на кладбище людей своим наиболее доверенным агентам на поверхности — Гурниссону и Ягеру.

— Ты уверен, что серый провидец объединился с этими двумя? — допытывался Гроттл. — Абсолютно, точно уверен?

— Конечно, могущественнейший из Творцов. Он заставил меня под угрозой ужасной смерти доставлять им записки, и они всегда выполняли его инструкции, не так ли? Я могу только сделать вывод, что либо Танкуоль им платит, либо ...

— Либо что? — пробурчал Вилеброт Нуль.

— Нет. Эта мысль чересчур ужасна. Ни один истинный скавен не опустится до...

— Опустится до чего? До чего?

— Или они платят ему! — воскликнул Ларк, изумлённый полетом своей фантазии.

Это вызвало ещё один взрыв яростного чириканья.

— Нет! Нет! Невозможно, — сказал Хескит Одноглазый. — Танкуоль — серый провидец. Он никогда не подчиниться приказам от кого-либо, кроме другого скавена. Это предположение нелепо.

— И всё же..., — проговорил Вилеброт Нуль.

— И всё же? И всё же? — бубнил Изаак Гроттл.

— И всё же бесспорно то, что серый провидец Танкуоль имеет связи с жителями поверхности и передал наши планы им! — сказал Нуль. — Как ещё им могли стать известны наши проекты? Как ещё столь великолепные хитроумные планы могли сорваться?

— Ты действительно предполагаешь, что серый провидец Танкуоль — предатель дела скавенов? Серьёзно? — прорычал Изаак Гроттл, обнажив при этом свои ужасающие огромные клыки.

— Это возможно, — осмелился вставить Ларк.

— Боюсь, это более чем возможно, — сказал Хескит Одноглазый. — Это единственное объяснение тому, зачем серый провидец помешал нашим большим планам, когда мы все пытались содействовать делу скавенов.

— Однако человек и гном также и его враги. Судя по всему, они чуть не убили его в логове того человека, фон Гальштадта.

— И он посылал против них диверсантов, — добавил Вилеброт Нуль. — То был действительно заказ на убийство. Чанг Скуик до сих пор плюётся, как подумает о своём провале.

— А что, если серый провидец Танкуоль настолько коварен, что использовал своих врагов против нас? — взволнованно произнёс Хескит Одноглазый.

— Он натравил их на нас. Беспроницаемый вариант! Или он расстроит замыслы соперников, или они убьют его заклятых врагов.

На минуту в помещении установилась тишина, и Ларк понимал, что враги Танкуоля внезапно почувствовали огромное уважение к коварству серого провидца, неважно, что ещё они о нём думали. По размышлении, в этом он был согласен с ними. Какими бы пороками не обладал серый провидец Танкуоль, было трудно не согласиться с тем, что у него имеются все качества, присущие истинно великому скавену.

— Даже если так, даже обладая серый провидец Танкуоль дьявольским коварством — он предал нас врагу! Это не обсуждается. Он раскрыл врагам наши тайные планы и тайные планы наших великих кланов, — сказал Изаак Гроттл. — Серый провидец Танкуоль — изменник и враг всего нашего народа.

— Я согласен, — заявил Хескит. — Он, почти несомненно, предатель. И более того — он наш личный враг. Однажды он уже выступил против нас, и это чуть не стоило нам жизни. Его следующая попытка может оказаться более успешной.

Все трое содрогнулись, подумав о том, какой дьявольски умный интеллект противостоит им. Ларк мог видеть страх на их лицах и нервное подёргивание усов.

— Я смиренно предполагаю, — произнёс Нуль, — что, должно быть, воля самой Рогатой Крысы состоит в том, чтобы освободить серого провидца Танкуоля от командования армией и отправить его объясняться с Советом Тринадцати.

— Я искренне согласен с твоим мнением. Искренне! — сказал Изаак Гроттл. — Но как мы сможем этого достичь? Под командованием предателя остается почти пять тысяч воинов клана Скаб, в то время как наши собственные войска представляют всего лишь тень былой силы.

— Несомненно, как и спланировал предатель, — сказал Хескит.

— Несомненно, — одновременно согласились двое остальных.

— Всегда есть возможность покушения, — предложил Хескит.

— Возможно! Возможно! — сказал Гроттл. — Но кто может поручиться, что Эшин не обманет и не сообщит о подобном заказе самому предателю?

— Мы можем сделать это сами, — сказал Вилеброт Нуль.

— Но, несмотря на свою измену, серый провидец Танкуоль — чрезвычайно могущественный волшебник, — сказал Хескит Одноглазый. — Мы можем потерпеть неудачу, и мы можем погибнуть!

Все трое вздрогнули, и потом три пары глаз одновременно повернулись к Ларку. Он задрожал до пят, так как знал, о чём они думают.

— Нет! Нет! — выкрикнул он.

— Нет? — угрожающе произнёс Хескит Одноглазый, дотронувшись до рукояти пистолета.

— Нет? — прорычал Иzaak Гроттл, жадно облизав свои губы.

— Нет? — спросил Вилеброт Нуль, отхаркнув огромный сгусток пузырящейся зеленой слизи на пол возле Ларка.

— Нет! Нет! Милосерднейшие из хозяев, я всего лишь скромный скавен. Я не обладаю ни вашим могучим интеллектом, ни вашим внушающим трепет могуществом. Любой из вас может надеяться победить серого провидца Танкуоля в бою или хитростью, но не я.

— Тогда зачем нам сохранять тебе жизнь? — вкрадчиво спросил Иzaak Гроттл. — Зачем? Говори! Быстро! Быстро! Я голоден.

— Потому... потому что..., — заикался Ларк, судорожно ища выход из этого ужасного лабиринта. Он проклял и день, когда повстречал серого провидца Танкуоля, и те, когда носил его сообщения человеку и гному. погоди! Вот он ответ. Возможно, решение его проблемы находилось в личном примере самого серого провидца.

— Потому... потому что есть лучшее решение!

— Есть?

— Да! Да! Более верное, которое содержит минимум риска!

— Ты заинтриговал меня, Ларк Стукач, — произнёс Иzaak Гроттл. — Ты видишь в этом что-то, чего не видим мы?

— Да! Да! Продолжай! Объясни! — сказал Вилеброт Нуль своим ужасным булькающим голосом.

— Вы можете использовать метод серого провидца против него самого!

— Что?

— Он использовал Ягера и Гурниссона против вас. Почему бы не использовать их против него?

Повисла ещё одна пауза, пока трое высокопоставленных скавенов переглядывались.

— Они, безусловно, впечатляющи, — сказал Вилеброт Нуль. — Для не-скавенов.

— Может быть! Может быть, они смогут это сделать! — прочирикал Хескит Одноглазый.

— Ты так думаешь? Они — не скавены, а Танкуоль — серый провидец. Серый провидец! — произнёс Изаак Гроттл и ударил кулаком по столу.

— Со всем возможным почтением, — произнёс Вилеброт Нуль, — но ты не встречался с этой парой. Как я и Хескит из Скрайра. Трудно вообразить более злобных и опасных противников. Даже я едва ускользнул от них при всех моих магических способностях.

— Они вырезали около половины моих сопровождающих, — сказал Хескит, умолчав о своей собственной роли в бойне.

— Я полагаюсь на ваш большой опыт, — сказал Гроттл. — Остается один вопрос — как мы заставим их выступить против серого провидца Танкуоля?

— Письмо! — с явным удовольствием предложил Ларк, увлечённый участием в заговоре.

— Да! Да! Письмо, — подхватил Вилеброт Нуль.

— Это подходит — серый провидец Танкуоль погибнет тем же способом, которым он пытался погубить нас.

— Но где и как оба наших убийцы будут иметь возможность его достать?

— Мы должны ждать удобного стечения обстоятельств, — сказал Нуль.

— А как мы напишем это письмо? — спросил Гроттл. — Например, я не обладаю знаниями этих примитивных человеческих рун.

— У меня есть кое-какие знания человеческого алфавита, — чуть-ли не оправдываясь произнёс Хескит Одноглазый. — Он мне нужен для чтения чертежей людей.

— Мы должны использовать такие же бумагу и перо, как серый провидец, — сказал Гроттл.

— Наш друг Ларк может их достать, — сказал Вилеброт Нуль, обнажая гниющие зубы в ужасной ухмылке.

— И он также может своим обычным способом доставить сообщение, — самодовольно заявил Хескит.

— Похоже, что сегодня я тебя не съем, Ларк Стукач, — сказал Изаак Гроттл. — Ты нужен нам живым. Но если ты попытаешься нас предать...

— Это отношение изменится, — закончил Хескит.

Ларк не знал, радоваться ему или сожалеть. Оказалось, что он продлил себе жизнь только ценой риска навлечь на себя гнев Танкуоля. И как он вовлёк себя во всё это?

* * *

— Мы уходим из города, — вызывающе сообщила Элисса.

Она смотрела на Феликса, ожидая от него возражений.

— Ганс и я. Мы решили уйти.

— Я тебя не виню, — сказал Феликс. — Это плохое место, и будет только хуже.

— И это всё, что ты скажешь?

Феликс оглядел комнату, которую они делили то недолгое время, пока были вместе. Она выглядела маленькой и пустой, и скоро станет ещё более пустой, когда Элисса уйдёт. Что ещё тут можно сказать? Он действительно не мог винить её за желание уйти, и если честно, он не видел для них совместного будущего. Так почему же ему всё-таки больно? Почему у него в груди это ощущение опустошённости? Почему он ощущает этот порыв — просить её остаться?

— Ты идёшь с Гансом? — спросил он, просто чтобы услышать её голос.

Элисса холодно посмотрела на него и скрестила руки на груди.

— Да, — сказала она. — Ты не попытаешься нас остановить, нет?

Феликсу показалось, что она словно хочет, чтобы он ответил утвердительно.

— В настоящее время за городом не очень безопасно, — сказал он.

— Мы всего лишь возвращаемся в деревню. Она недалеко.

— Примут ли там тебя? Я слышал, что если люди из города приближаются к деревням и фермам, в них метают стрелы и камни. Из опасения, что они зачумлённые.

— Мы выживем, — сказала она, но это прозвучало неубедительно.

— В любом случае, хуже, чем здесь, быть не может — с чумой, бандами, крысами и прочим. В деревне нас, по крайней мере, знают.

— Несомненно, они знают Ганса. Ты вроде говорила, что старейшины его ненавидят?

— Тебе необходимо напоминать о неприятном, не так ли? Они нас примут обратно. Я скажу им, что мы пришли пожениться. Они поймут.

— А ты? Выйдешь замуж, я имею в виду.

— Я так думаю.

— Ты говоришь не особо восторженно.

— О, Феликс, а что мне ещё делать? Провести остаток моей жизни в баре, где меня лапают незнакомцы? Шататься с вольным воином-наёмником? Не этого я хочу. Я хочу домой.

— Тебе нужны деньги? — спросил он.

Внезапно Элисса немного изменилась.

— Нет, — ответила она. — Я лучше пойду. Ганс ждет.

— Будь осторожна, — сказал он серьёзно. — За этими пределами город небезопасен.

— Тебе следует знать, — сказала она. Внезапно она наклонилась вперёд и страстно поцеловала его в губы. Но как только он её обнял, вырвалась и направилась к двери.

— Теперь заботься о себе сам, — произнесла Элисса, и он решил, что заметил мерцание слёз в уголках её глаз. А потом она ушла.

И только потом, проверяя шатающуюся доску пола, Феликс обнаружил пропажу кошелька с деньгами, который он получил от Отто. Он лежал на кровати, не зная, плакать ему или смеяться. «Ладно, — подумал Феликс, — пусть деньги будут у неё. У него мало шансов прожить достаточно долго, чтобы потратить их самому».

* * *

Серый провидец Танкуоль оглядел собравшихся в зале военачальников скавенов. Его горящий взгляд будто бы призывал каждого высказаться. Никто не осмеливался.

Ларк пересчитал присутствующих командиров. Тут были все командиры из клана Скаб, а также Изаак Гроттл, Вилеброт Нуль и Хескит Одноглазый. Ассасин клана Эшин Чанг Скуик затаился в одном из углов, изредка поглядывая на Ларка полным ненависти взглядом. Он не забыл, что сказал о нём Ларк в тот давно минувший день, когда серый провидец унизил их обоих перед лицом всей армии.

Серый провидец широко развёл руки. Его лапы оставляли огненные следы, когда он концентрировал магическую энергию. «Это для привлечения всеобщего внимания», — подумал Ларк. Внезапно взгляды всех устремились на Танкуоля, как если бы он мог выбрать любого, кто не смотрит на него, и уничтожить. «И это вполне возможно», — подумал Ларк. Если он правильно распознал симптомы, серый провидец употребил внушительное количество порошка искривляющего камня.

Ларк содрогнулся и продолжил жевать противные травы, которые дал ему Вилеброт Нуль для облегчения воздействия чумы. Он сдерживал позывы проверить свои доспехи и убедиться, что похищенные им из личных запасов Танкуоля пергамент и перо не вылезли наружу. Ларк понимал, что лишние движения быстро привлекут к нему внимание. И убедил себя, что предметы на месте. Он чувствовал вонзившееся в подмышечную ямку остриё пера.

— Сегодня та ночь, которую вы все ждали! — произнёс Танкуоль. — Этой ночью мы раз и навсегда побьём-сокрушим людей. Этой ночью мы войдём в город и поработим всех жителей. Сегодня ночью мы нанесём удар по Империи, и расу скавенов запомнят надолго!

Танкуоль замолк и выразительно осмотрел помещение снова, словно ожидая возражений. Никто не осмелился высказаться, но Ларк заметил, как обменялись взглядами Нуль, Одноглазый и Гроттл, прежде чем посмотреть на него. Ради них всех он надеялся, что серый провидец этого не заметил. Он опасливо посмотрел на Танкуоля, но, к счастью, серый провидец выглядел поглощённым развитием своей собственной безумной речи.

— Железной лапой объединённой армии скавенов мы сотрём людей в порошок. Мы неминуемо обратим их в рабство. Их имущество станет нашим. Их город будет принадлежать нам. Их вопящие души станут подношением Рогатой Крысе.

Танкуоль снова сделал паузу, и Иzaak Гроттл нашёл в себе мужество задать вопрос, который, по мнению Ларка, беспокоил всех.

— А как нам это удастся, великий вождь?

— Как? А вот как! Благодаря плану, простому и ошеломляюще коварному одновременно. Используя силу и волшебство, о которых будут говорить века спустя. Подавляя яростью и лучшей технологией скавенов. С помощью ...

— Но что конкретно имеется в виду, Серый Провидец Танкуоль? — перебил Вилеброт Нуль. — По моему скромному предположению, как и любой скавен, вышедший из детского возраста, мы все знакомы с общей тактикой нападения.

На мгновение Ларк был уверен, что Танкуоль взвешивает доводы за и против уничтожения чумного монаха за его дерзость. Он был рад, что расчётливая осторожность скавенов взяла верх, и серый провидец продолжил речь.

— Я как раз хотел об этом сказать, что ты бы, несомненно, обнаружил, если не перебил меня. Мы атакуем через канализацию. Каждый из вас поведёт своё подразделение на позицию, отмеченную на карте. И серый провидец указал на висящий за собой большой лист пергамента, исписанный сложным набором символов. Многие из назначенных командиров наклонились вперёд, чтобы разглядеть позицию выдвижения.

— Я не вижу на плане твоей руны, — произнёс Хескит Одноглазый. — Что будешь делать ты, Серый Провидец?

Танкуоль уставился на него горящими красными глазами.

— Я буду там, где вы и ожидаете видеть своего командира — выполнять наиболее сложную и опасную задачу.

<http://tl.rulate.ru/book/2491/47025>